

11. Рыбина М.В., Федорченко С.Н. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия МГТУ «МАМИ», 2012. № 2 (14). Т. 3.
12. Спасский Е.Н. Трансформация политической партий и их типологическая концептуализация: опыт западной партологии // Полития, 2008. № 2(49).
13. Федорченко С.Н. Партийный брендинг как технология политического менеджмента в Грузии // Постсоветская трансформация политических систем новых независимых государств: материалы международной науч.-практ. конф. / Ред. В.Г. Егоров. М.: МГОУ, 2012.
14. Федорченко С.Н. Современные технологии политического менеджмента. М.: МГОУ, 2012.
15. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL: Free Press, 1952.
16. Google Россия [Интернет-поисковик] URL: <https://www.google.ru/> (дата обращения к ресурсу: 03.02.2013).
17. Greene K.F. Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization In Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
18. Holsti O. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Co., 1969.
19. Hopkin J., Paolucci C. The Business Firm Model of Party Organization: Cases from Spain and Italy // European Journal of Political Research, 1999. Vol. 35. № 3.
20. Katz R., Mair P. Cadre, Catch-All or Cartel? A Rejoinder // Party Politics, 1996. Vol. 2. №4.
21. Kirchheimer O. Der Wandel des westeuropäischen Parteiensystems // Lenk K., Neumann F. (Hrsg.) Theorie und Soziologie der politischen Parteien. Bd. 2. Darmstadt, Neuwied, 1974.
22. Lasswell H., Leites N. Language of Politics. New York: Harper, 1949.
23. Lindon D. Marketing politique et social. Paris, 1976.
24. Micheletti M. Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
25. Oberreuter H. Parlamentarische Opposition. Hamburg, 1975.
26. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Colchester: ECPR Press, 2005.

С.Г. Пушкарев и его историческая концепция

к.и.н. доц. Цурганов Ю.С.
Университет машиностроения
tsurganov@mail.ru

Аннотация. Статья описывает историческую концепцию профессора Сергея Германовича Пушкарева, работавшего как исследователь и преподаватель истории России в условиях Зарубежья. С.Г. Пушкарев был свободен от какого-либо идеологического диктата, что повышает интерес к его трудам. Часть из них впервые увидела свет благодаря русским эмигрантским издательствам, другие были подготовлены к печати на родине автора в 1990–2000-е годы, уже после его кончины.

Ключевые слова: история России, самоуправление, крестьянская реформа, Государственная Дума, большевизм, Белое движение

Среди возвращенных имен российских историков, в силу обстоятельств работавших за рубежом, хочется отметить имя Сергея Германовича Пушкарева. Совокупность его суждений отражена в книге «Россия 1801–1917: власть и общество» [1].

Научно-исследовательская деятельность С.Г. Пушкарева (1888–1984 гг.) началась и развивалась в условиях Русского зарубежья: доцент Русского свободного университета в Праге, постоянный научный сотрудник Славянского института чешской Академии Наук, преподаватель Йельского, Фордамского и Колумбийского университетов. Ученый был сво-

боден от идеологических догм, которым следовали его коллеги в СССР. В то же время С.Г. Пушкарев сторонился эмигрантской политики меньшевиков, эсеров, кадетов, монархистов – его взгляд на историю России можно назвать надпартийным. Будучи безусловно знаком с теориями, рождавшимися в русской зарубежной и просто зарубежной историографии, он не находился под влиянием какой-либо из них. Это позволяло, анализируя сильные и слабые стороны различных научных концепций, создавать собственную.

Пушкарев – автор учебников, множества статей, составитель хрестоматий. В том числе: «Обзор русской истории» [2], вышедший впервые в 1953 г. в «Издательстве имени А.П. Чехова» (США). Книга была переиздана в 1987 г. в Канаде и затем трижды, в 1991, 1993 и 1999 гг., переиздавалась в России. При ее составлении, по словам самого С.Г. Пушкарева, он принимал во внимание труды С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.И. Сергеевича, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, М.М. Богословского, М.А. Дьяконова, М.В. Довнар-Запольского, А.А. Корнилова, А.Е. Преснякова, Г.В. Вернадского и особенно В.О. Ключевского. При этом он не ставил перед собой задачу «втиснуть факты нашей истории в рамки какой-либо исторической или социологической схемы» [2, с. 3].

Книга «Россия 1801–1917: власть и общество», по словам автора «является как бы продолжением и дополнением «Обзора».

Сборник статей «Ленин и Россия» [3], составленный издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне в 1978 г., включил работы, объединенные соответствующей темой, написанные в предшествующие два десятилетия и впервые опубликованные в периодических изданиях Русского зарубежья: «Записках Русской Академической Группы в США», «Новом Журнале» и «Новом Русском Слове». Хронологически статьи охватывают период от начала первой мировой войны до смерти Ленина. Таким образом, тематика сборника частично накладывается на две названные выше книги, детализируя их соответствующие разделы.

Книга «Самоуправление и свобода в России» [4] была опубликована «Посевом» в 1985 г. В ней, пожалуй, наиболее ярко отражена магистральная идея С.Г. Пушкарева: «Распространенное мнение о том, что русский народ всегда жил в рабстве, привык к нему и стал неспособен к устройству своей жизни на началах свободы и самостоятельности, противоречит историческим фактам» [4, с. 5].

Автор рассматривает историю становления, расцвета и кризиса имперской государственности в соотношении двух ее основных сторон – государства-власти и общества-народа. Причем в первую очередь Пушкарев уделяет внимание проблеме политической свободы, вопросу самоорганизации и самоуправления общества.

«Успех» «Народной воли» 1 марта 1881 г. «дорого обошелся... русскому народу и государству» [4, с. 43]. Исследователь утверждает, что фактически верховная власть над Россией на 24 года перешла в руки главного советника и наставника последних двух императоров – К.П. Победоносцева, люто ненавидевшего политическую свободу и народное представительство, считавшего либеральные реформы Александра II «преступной ошибкой». Это, помимо прочего, имело важное последствие – либеральная интеллигенция была «утомлена» режимом Победоносцева.

Пушкарев констатирует, что на рубеже XIX и XX столетий почти все слои населения были недовольны своим положением. Крестьян угнетала растущая бедность, причину которой они видели в «малоземелье». Промышленные рабочие, – как и повсюду в начальной стадии развития капитализма, – были угнетены чрезвычайной продолжительностью рабочего дня, недостаточностью заработной платы и плохим состоянием бытовых условий.

Исследователь склоняется к тому, что правомерно именовать Думскую монархию (1906–1917) конституционной [4, с. 111]. Но в устройстве российской конституции был заложен источник постоянных конфликтов. Она давала Государственному Совету одинаковые с Думой законодательные права. Совет же, наполовину состоявший из назначаемых царем чиновников, противодействовал всему, в чем усматривал признаки либерализма.

П.А. Столыпина Пушкарев характеризует как сторонника «обновленного строя», глав-

ной задачей которого было «завершение крестьянской реформы 19 февраля 1861 г.» [1, с. 397]. При этом ученый отмечает, что Столыпин «слишком широко понимал «государственную необходимость» и в интересах государства нередко нарушал закон и право.

Пушкарев выражает убеждение, что формула «сначала успокоение, а потом реформы» совершенно неправильно приписывается Столыпину. Анализируя документы, авторство которых принадлежит председателю Совета министров, исследователь делает вывод, что он исходил из уже свершившегося факта обновления государственного строя и из того, что «намерения государя в данном вопросе неизменны». Борьбу же против революционного экстремизма Столыпин считал не борьбой против общества, а против врагов общества [1, с. 398].

Подводя итог изучению России 1801–1917 гг., Пушкарев делает основополагающий вывод: этот период представлял собой не однообразный ход правления «деспотичных» царей и «бездарной» бюрократии, а череду волн существенного движения вперед и последующего отката. Начало правления Александра I, эпоха великих реформ Александра II, время Витте и Столыпина – периоды поступательного развития. Три периода отката связаны с именами Аракчеева, Николая I, Победоносцева [1, с. 611].

В период думской монархии Российская империя достигла самых быстрых и заметных успехов во всех областях жизни. Почему же, несмотря на быстрый прогресс, она обрушилась в 1917 г.?

Пушкарев полагает, что мысль о неизбежности революции в России основана на пред-рассудке, на вере в «железные законы» исторического развития, якобы определяющие жизнь народов. В действительности история создается совокупной и личной волей людей с их чувствами, страстями, верой и предубеждениями, групповыми и частными интересами, понимаемыми верно или ошибочно. Появление на свет любого деятеля, оставившего след в истории – непредсказуемая биологическая случайность. Но массы людей в сложные времена могут легко стать добычей демагогов [1, с. 614–615].

В истории России роль революционного движения XIX–XX вв. была весьма двойственной. (и революции в истории бывали самые разные – некоторые расширяли объем свобод, а другие его, наоборот, резко сокращали). Так, например, в партию социал-демократов входили и тоталитарист-фанатик Ленин, и искренний демократ и либерал Потресов [4, с. 38, 44].

Что же касается объективных предпосылок, то ученый указывает на следующие обстоятельства. Русская история дважды запаздывала «если не на 100, то, по крайней мере, на 50 лет» [4, с. 130]. Крепостное право должно было быть отменено вскоре после того, как дворяне-помещики в 1762 г. получили свободу от обязательной государственной службы. Государственная Дума должна была быть учреждена после того, как Сперанский в 1809 г. представил Александру I подробно разработанный план учреждения Думы и органов местного самоуправления. Во всяком случае, освобождение крестьян в 1810-е гг. и «увенчание здания» земских учреждений Государственной Думой в 1860-е были, по убеждению Пушкарева, уже вполне возможны [1, с. 612–613].

Пушкарев акцентирует внимание на двух последствиях упущенных исторических возможностей. Во-первых, замедлилось формирование среднего класса, заинтересованного в эволюционном развитии страны. В крупных масштабах формирование такого класса началось лишь после столыпинских реформ. Во-вторых, учреждение Государственной Думы в 1906 г. не стало добровольным волеизъявлением монарха, как то могло быть в 1810-е или 1860-е гг., а результатом нажима на него со стороны революционных сил. Поэтому Дума оказалась в центре конфликта между властью и общественностью, который к тому времени уже имел полувековую историю. Данный конфликт лишил общество опыта ответственной политической деятельности. Это мешало видеть, что партия большевиков стремилась вовсе не к освобождению общества, а к его насильственному преобразованию на свой лад.

«Все эти болезни могло излечить только время. Но вспыхнувшая в 1914 году Мировая

война этой возможности не дала» [4, с. 131].

Переходя к разбору событий 1917 г., анализируя противостояние Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, Пушкарев отмечает следующее. Будучи временной властью, правительство юридически не считало себя в праве до созыва Учредительного собрания начинать какие-либо коренные реформы. Кроме того, шаткость его положения происходила от того, что у него не было административного аппарата на местах. Между тем, во многих регионах страны в лице советов выросла структура власти, параллельная правительству и органам городского и земского самоуправления [4, с. 133–134].

Успех Ленина в октябре 1917 г. Пушкарев объясняет тем, что «революционная демократия» находила недопустимой вооруженную борьбу с большевиками, боялась воображаемой контрреволюции справа и недооценивала опасность контрреволюции слева.

Интервенцию Пушкарев ни в коем случае не считает попыткой начать войну против коммунизма. Провозглашенная цель – охрана от возможного захвата немцами складов военного снаряжения – не предлог, как утверждали советские историки, а истинное намерение. Свою версию исследователь подтверждает тем фактом, что западные державы отозвали свои войска вскоре после капитуляции Германии. «Несмотря на все призывы Ленина к всемирной пролетарской революции, большевизм был признан «внутренним русским делом» и лишь немногие политические вожди Запада, как Клемансо и Черчилль, считали нужной активную помощь русским антибольшевистским силам» [4, с. 91].

Резюмируя свои исследования большевистского переворота и его ближайших последствий, Пушкарев пишет: «И западные писатели, и некоторые русские историософы потратили немало умственных усилий и печатной бумаги, чтобы «объяснить», почему и как русский народный дух сделал возможным торжество большевистской власти в России в 1917–1918 гг. В действительности русский народный дух в то время был или апатично-нейтральным (у огромного большинства народной массы) или активно-враждебным (у почти всей интеллигенции) в отношении большевистской власти, и держалась она в то время на весьма тонкой нитке. А удержаться ей помогли не таинственные глубины русского народного духа, а – как о том непреложно свидетельствуют холодные архивные документы – силы гораздо более реальные и прозаические: штыки латышских батальонов и систематические многомиллионные субсидии имперского германского правительства» [3, с. 51–52].

Давая общую оценку Белому движению, Пушкарев отмечает, что, во-первых, оно не было классовым, а представляло самые разные слои населения. Во-вторых, это движение опиралось на национально-патриотические силы страны, для которых был неприемлем ленинский интернационализм. В-третьих, с красным террором, возведенным в государственный принцип, случайные эпизоды «белого террора», естественно, не могли и не стремились соперничать. В-четвертых, Пушкарев категорически не соглашается с тезисом, характерным как для советской, так и для западной историографии, что Белое движение носило реакционный характер. Политические группировки, примкнувшие к нему, были весьма разнообразны. В Комуч и Уфимскую директорию входили социалисты-революционеры. Гражданскими советниками ген. А.И. Деникина были преимущественно конституционные демократы и т.д. Непредрешенческая позиция военных руководителей Белого движения в основных политических вопросах во многом объясняется именно идейным многообразием участвовавших в движении политических сил. Пушкарев также отмечает, что привычка офицерства стоять вне политики сослужила Белому движению плохую службу [4, с. 161].

Наиболее ценный опыт создания и функционирования белой государственности, по схеме Пушкарева, принадлежит правительству ген. П.Н. Врангеля, контролировавшему Крымский полуостров с марта по октябрь 1920 г. Политика ген. Врангеля была направлена на единение с широкими слоями народа, которого не достиг Деникин. В качестве главных достижений отмечается разработка земельной реформы и реформы местного самоуправления, восстановление правосудия. Однако успехи Врангеля пришли уже слишком поздно.

Этой теме Пушкарев придает особое значение, отмечая, что поведение крестьянской

массы в 1917 г. было гораздо более сдержанным и спокойным, чем в 1905 г., когда крестьяне жгли и грабили тысячи помещичьих усадеб. Послестольпинское крестьянство вело себя уже иначе. В ноябре и декабре 1917 г. за большевиками в деревне пошли, главным образом, «социальные и моральные подонки... значительное же большинство крестьян отнеслось к новой власти выжидательно, хотя Декретом о земле крестьяне, конечно, были довольны» [4, с. 165].

Однако, этот декрет, отменивший помещичью собственность на землю, и последующий закон о социализации земли, воспроизведший утопическую программу эсеров, не привели к реализации многолетних чаяний крестьян. Вообще вопрос о малоземелье был фиктивным. Земельные наделы в России были большими, чем в европейских странах. Проблема заключалась в низкой урожайности вследствие устаревших и малоэффективных методов обработки почвы.

Даже по свидетельству статистического отдела Наркомзема, на которое ссылается Пушкарев, увеличение надела на едока выразилось в ничтожных величинах, в десятых, и даже сотых долях десятины. Лозунг захвата земли и уравнильного ее раздела стал лишь техническим приемом революционирования деревни.

Практическим же последствием означенных мероприятий стало уничтожение крупных землевладельческих хозяйств, дававших наиболее высокие урожаи и снабжавших рынок продуктами. В результате общее производство хлеба не могло не сократиться. В условиях, когда снабжение городов сельскохозяйственными продуктами оказалось под ударом, «ленинцы начали свой опустошительный поход на деревню. На крестьян была наложена тяжелая, часто непосильная хлебная дань – «продразверстка»... [4, с. 166] Это в свою очередь привело к многочисленным и массовым крестьянским восстаниям против большевиков.

«Крестьянская война с помещиками в революцию 1917 года, – заключает Пушкарев, – была одним из многочисленных коммунистических мифов; между тем крестьянская война с «советской» властью в 1918–1921 годах была несомненным историческим фактом» [4, с. 170].

«Основные – словесные – лозунги Ленина: «союз рабочих и крестьян» и «рабоче-крестьянское правительство» – заключали в себе умышленный и преднамеренный обман. В действительности и Маркс, и Ленин видели в крестьянстве реакционную, «буржуазную» массу, враждебную интересам и целям социалистического пролетариата... Крестьянин по природе собственник, и Ленин это прекрасно понимал» [3, с. 13].

Давая оценку государству, которое образовалось в результате октябрьского переворота, Пушкарев оспаривает адекватность самого термина «Союз Советских Социалистических Республик». По его убеждению это не союз, поскольку многие его части не добровольно к нему примкнули, но были покорены военной оккупацией. Это не советское государство, ибо советы подчинены господствующей коммунистической партии. Социально-экономический строй СССР – не социализм, а государственный капитализм с закрепощенным крестьянством и бесправным рабочим классом, который при Сталине был прикреплен к государственным предприятиям. Наконец, это не республика, т.к. вся власть в ней принадлежит или одному диктатору, или кучке коммунистических олигархов [3, с. 53].

Подводя итог событиям 1917 – начала 1920-х гг., Пушкарев пишет: «Белое движение и крестьянские восстания были, как показал опыт, лишь началом народного сопротивления тоталитарной власти в России. Сообразно историческим условиям, эта борьба принимала разные формы». Принципиально важен также и другой вывод ученого, зафиксированный в 1963 г.: «тщательное изучение истории подсказывает: Россия не обречена жить под тоталитарной диктатурой навеки».

Литература

1. Россия 1801–1917: власть и общество. М.: Посев, 2001.
2. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991.
3. Ленин и Россия. Сборник статей. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978.
4. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985.